

Армен Егишевич Петросян

доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии и этнографии НАН Республики Армения (Армения, 0025, Ереван, ул. Чаренца, 15)
E-mail: alpehist@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1982-5593>

СВ. МЕСРОП МАШТОЦ: ИСТОКИ ОБРАЗА И ИМЕНИ

Аннотация

В статье идет речь о возникновении и путях развития образа создателя армянского алфавита святого Месропа Маштоца в церковной традиции и фольклоре Армении, где его творение считается божественным чудом. Выявляются связи его образа с языческим богом Тиром — писцом верховного бога Арамазда, «показывателем и толкователем снов» (*erazac 'oyc' erazahan*). Сопоставление христианских образов с древними божествами в первую очередь опирается на соответствие их функций. Так, Маштоц служил при царском дворе писцом-секретарем (как Тир был писцом царя богов), а его чудесное видение — десница, пишущая буквы на камне, — очевидно, сравнимо со сном. Сны армянам начала V в., еще не до конца оторванным от язычества, посылал бог Тир, «показыватель снов». В свете этой интерпретации образа наиболее вероятной представляется связь имени Маштоца с созвучным апеллятивом *maštoc* 'скребница', 'инструмент для соскабливания волос / шерсти животных' (дериват с суффиксом *-oc*, от корня *mašt-* со значением 'скоблить, скрести, сдирать'). В древних языках писание ассоциируется со скоблением / царапанием в связи со способом писать на воске, глине и на твердых материалах (ср. греч. *γράφω* 'скрести, писать', *γραμματεὺς* 'писец, секретарь', лат. *scribere* 'скрести, писать', *scriba* 'писец, секретарь'). Слово *maštoc* в древности могло означать 'инструмент для скобления / процарапывания / писания', позже и 'писец'; в последнем значении лексема стала эпитетом наследника бога Месропа.

Ключевые слова: Месроп Маштоц; армянский алфавит; принятие христианства; дохристианская религия Армении; бог Тир; армянский фольклор

Для цитирования

Петросян А. Е. Св. Месроп Маштоц: истоки образа и имени // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21, № 3. С. 56–69. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.3.031

Рукопись поступила в редакцию 18.01.2024

Рукопись принята к печати 12.08.2024

Armen Yeghishevich PETROSYAN

DrHab, Principal Research Fellow, Institute of Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (15, Charents Str., 0025 Yerevan, Armenia)

E-mail: alpehist@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1982-5593>

ST MESROP MASHTOTS: ORIGINS OF IMAGE AND NAME**Abstract**

The article examines the emergence and development of the image of St Mesrop Mashtots, creator of the Armenian alphabet, in the church tradition and folklore of Armenia, where his work was considered a divine miracle. The correspondence of his image with the *erazac* 'oyc' *erazahan* "dream-displaying (and) dream-interpreting" god Tir, the scribe of the supreme god Aramazd, is revealed. The juxtaposition of Christian images with ancient deities was, first of all, based on the correspondence of their functions, and there were circumstances that strengthened this idea. Thus, Mashtots served at the royal court as a scribe-secretary (as Tir was the scribe of the king of the gods); the miraculous vision of Mashtots, in which he saw a right hand writing Armenian letters on a stone, is obviously comparable to a dream. The dreams for the Armenians of the 5th century, who were not yet completely cut off from the pagan religion, had to be sent by the dream-displaying god Tir. The god passed the torch to his successor Christian saint. In light of this interpretation, it seems most likely that the name *Mashtots* is connected with the consonant appellative *maštoc* 'scrapers, instrument for scraping off hair/fur of animals' (from the root *mašt-* 'scrape, rip off' suffixed with *-oc*). In ancient languages, the writing is associated with scraping/scratching in connection with this method of writing on wax, clay and hard materials (cf. Gr. γράφω 'scrape, write,' γραμματεὺς 'scribe, secretary,' Lat. *scribere* 'scrape, write,' *scriba* 'scribe, secretary'). The word *maštoc* 'in ancient times would mean 'instrument for scraping/scratching/writing,' and later, 'scribe,' which became the epithet of Mesrop, the heir of the scribe god.

Keywords: Mesrop Mashtots; Armenian alphabet; adoption of Christianity; pre-Christian Armenian religion; god Tir; Armenian folklore

For citation

Petrosyan, A. Ye. (2024). St Mesrop Mashtots: Origins of Image and Name. *Voprosy onomastiki*, 21(3), 56–69. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.3.031

Received on 18 January 2024

Accepted on 12 August 2024

Изобретение письменности <...> больше способствовало возвышению человечества, чем любое другое интеллектуальное достижение на его историческом пути.

Игнас Джей Гельб

Принятие христианства, очевидно, в корне меняло религиозные воззрения древних народов, но его, по выражению В. И. Абаева, в некотором плане

можно назвать «терминологическим и ономастическим переворотом» [Абаев 1972: 322] — культы многих древних богов продолжали существовать под именами христианских святых. Изменились имена и культовые термины — они стали христианскими, но сами образы и культы во многом сохранились. Повсеместно Богоматерь заменила богиню-мать, Иоанн Креститель — бога солнца, св. Георгий — бога-змеборца и т. д. (ср. у русских: черты Перуна перешли к пророку Илье, «скотьего бога» Велеса — к св. Власию и пр.). Во время перехода к новой религии старые и новые образы сопоставляются в основном в соответствии с функциями; важную роль играет также совпадение культового центра (когда храм нового культа строят на месте старого), календарных дат и созвучие имен [подробно см.: Петросян 2006: 3–8].

В арменистике обоснована наследственная связь ряда христианских святых с языческими прототипами (например, Иоанн Предтеча — бог Вахагн, св. Саркис — этнарх Ара Прекрасный и т. д.). Характерно, что и начало христианства в армянской традиции было кодировано с помощью переосмысленных вариантов языческих мифов. Так, легенда о противостоянии Григория Просветителя с царем Трдатом, превращенным в кабана, восходит к мифу об умирающем и воскресающем герое и преследующем его божестве в образе кабана; видение об основании Эчмиадзинского храма и некоторые эпизоды принятия христианства — к змеборческому мифу и т. д. [Адонц 1948: 298 и след.; Мелик-Оганджян 1964; Абрамян 2001; Петросян 2022]. Язычники, в особенности жрецы, приравниваются к дэвам (демонам), а христианские святые — к побеждающим их богам и ангелам. Несмотря на противопоставленность старой и новой религиозных систем, эти совпадения показывают глубокую связь и непрерывность дохристианской и христианской традиций Армении.

Письменность сакрализована и играет важную роль во многих мифологических системах. Она кодирует собой всю Вселенную, от альфы до омеги, и создание письма, как и всякое созидание, должно быть действием бога-создателя [Eliade 1959: 18]. Поэтому изобретение письма приписывалось богам и героям. В Древнем Египте создателем письма считался бог Тот, в исламе — Аллах, в Индии — богиня Сарасвати, в Греции — Кадм, а потом отождествленный с Тотом Гермес, у древних скандинавов — боги и их предводитель Один. В христианстве создатели письменности удостоивались специального почитания и часто были канонизированы, особенно если письмена использовались для передачи священных текстов [МНМ 2: 315].

Народы, создавшие древнейшие письмена, имели своих богов-писцов (египетский Тот, вавилонский Набу). В дохристианский период у армян также был свой бог писцов и письменности — Тир. Имя *Tur* заимствовано

из иранских языков: ср. теоним *Tīriya* / *Tīri* / *Tīr*. Несмотря на иранское имя (ср. иран. *Tīri* ‘Быстрый’, что объясняется связью божества с планетой Меркурий), образ армянского бога в основном восходит к вавилонскому Набу, который был писцом верховного бога Мардука и богом писцов [см.: Rapaino 2005]. Набу, как и сам Мардук, по происхождению западно-семитский бог, его имя известно по надписям Эблы (III тыс. до н. э.). В начале II тыс. до н. э. его культ распространяется в Месопотамии — в Вавилоне и Ассирии — и начинает играть более существенную роль. Культ Набу доходит до максимума в нововавилонский период, когда он даже вытесняет культ Мардука [МНМ 2: 194; Leick 1991: 123–124].

Тир в Иране, как и Набу, был богом планеты Меркурий и отождествлялся с древнеиранским (известным из Авесты) богом *Tištrya* [Бойс 1987: 77; Ван-дер-Варден 1991: 202–203; Рак 1998: 92; ЕІг: s. v. *Tištrya*]. Уже с ахеменидских времен известны иранские теофорные антропонимы, связанные с Тиром (также в Армении: ср. *Тирибаз*, V в. до н. э.), а *Трдат* (< *Тиридата* ‘Данный богом Тиром’) — излюбленное имя армянских Аршакидов.

Вот как описывает Агатангелос храм бога Тира возле столицы Арташата, в местности, называемой *Erazamoyn* ‘Имеющий способность толковать сны’: «По дороге первым оказался [храм] служения богу Тиру, показывателю и толкователю снов, писцу жреческой науки, именуемому секретарем дивана Ормизда¹, капища обучения премудрости» (Агатангелос: § 778). О боге Тире см. также [Алишан 1895: 288–295; Russell 1987: 289–305; Tavernier 2005; Petrosyan 2007: 183–185].

Несмотря на иранское имя и иранские связи, в образе армянского Тира выявляются и древние неиранские характеристики. Во-первых, у армян Тир отождествлялся с Аполлоном, статуя которого была возведена на месте древней статуи бога солнца (Хоренацц II: 8, 11), и с Гермесом, т. е. армянский Тир, в отличие от своего иранского прототипа, был солнечным богом. Это особое армянское явление — в почти тождественном с армянским пантеоне комматенских богов с Аполлоном и Гермесом отождествлен иранский Митра-Гелиос [Petrosyan 2007: 187–188].

Характеристики армянского Тира напоминают образ греческого Гермеса, который, будучи проводником душ умерших в подземное царство, являлся также проводником снов (Одиссея XI:222), а душа человека после смерти удаляется как сон (см. гомеровский гимн Гермесу). Такие представления

¹ *Ормизд* / *Ормазд* — поздний персидский вариант имени древнеиранского бога Ахурамазды, а стандартная армянская форма теонима — *Армазд* — заимствование гораздо более раннего периода, ср. парфянскую форму имени I в. до н. э. *Αραμασδης* [Мейе 1978: 117].

об иранском Тире неизвестны. Учитывая сравнительно слабое греческое влияние на армянскую дохристианскую религию, надо полагать, что эта армяно-греческая параллель обусловлена ареальными связями или общим наследием [Petrosyan 2007: 184].

В диахроническом контексте армянской традиции бог-писец, бог-секретарь должен быть связан с ангелом судьбы и смерти по имени *Grol* (от арм. *grol* ‘писец, писатель’) — божеством, пишущим книгу судьбы. В христианском контексте Грох был отождествлен с архангелом Гавриилом, который играет видную роль и в эпической традиции: в эпосе «Давид Сасунский» он забирает душу Старшего Мгера, осуществляет наказание Младшего Мгера (делает его бесплодным) и побеждает двойника Мгера Аслана в эпическом сказании «Аслан-ага» (о Грохе подробно см. [Арутюнян 2000: 404–416]).

Функциональный прототип этого бога был известен уже в урартскую эпоху. В урартском пантеоне Гроху соответствует четвертый бог *Hutuini*, чье имя может связываться с хурр. *hute* ‘писать’, ср. также имена хурритских богинь судьбы *Hutena* и *Hutellura* [Амаякян 1990: 47–48]². О Хутуини как о боге смерти, подобном Гермесу и Гроху, свидетельствует имя его паредры — четвертой богини пантеона *Aui* ‘Преисподняя’ [Мещанинов 1978: 71–72; о паре Хутуини и Ауи см.: Амаякян 1990: 26]. Характерно, что в иранском и армянском календарях с Тиром связывается четвертый месяц, а в армянском пантеоне Тир может считаться четвертым по значимости богом (после Арамазда, Вахагна и Михра).

Есть мнение, что армянский теоним *Tur*, который в первых изданиях Агатангелоса представлен в форме *Tiwr*, происходит от имени индоевропейского бога светлого неба **deiuo-/*dieu-* < **dej-* ‘сиять, блистать’ [Агаян 1974: 148]. Но ранние издания Агатангелоса, возможно, не аутентичны. С другой стороны, не все ясно с происхождением имени иранского Тира. Есть несколько этимологий, среди которых и армянская. Ж. Тавернье, подробно анализируя все версии, приходит к выводу, что этот теоним или западно-иранского (предпочтительно мидийского) происхождения, или был заимствован из какого-то местного языка региона [Tavernier 2005: 365–366, 368]. Как бы то ни было, явная связь армянского Тира с солнцем и сновидениями (чего нет в образе иранского Тира) дает возможность полагать, что его образ может восходить к древнейшему армянскому богу солнца и светлого неба **Tiw* [Petrosyan 2007: 184]. Создание письменности, особенно для перевода Священного Писания, сопоставимо с функцией солнца (освещением / просвещением), и слияние

²В Древнем Междуречье писцами потустороннего мира были женские персонажи.

двух образов (иранского бога-писца Тира и древнего индоевропейского **Tiw*) могло определить солнечные характеристики армянского Тира.

Сопоставление христианских образов с древними божествами, как было сказано, в первую очередь опирается на соответствие их функций: существование бога письменности — само по себе основа для соответствующего христианского образа. Но были и другие обстоятельства, создающие прямые связи между образами Тира и Маштоца. Так, Маштоц служил при царском дворе писцом-секретарем (ср. с образом Тира — писца царя богов). Но более красноречивы подробности открытия Маштоца. Согласно Хоренаци (III: 49, 53), Маштоц молится о создании армянских букв: «И видит он не сон ночной и не видение наяву, но в бьющемся своем сердце открывшуюся очам души десницу, пишущую (буквы. — А. П.) на камне». Именно этот эпизод — ключевой в фольклорно-агиографическом образе Маштоца. Рассказ об этом чуде повторяют все следующие историографы (Ованес Драсханакертци, Асогик, Самвел Анеци, Нерсес Шнорали, Киракос Гандзакети, Вардан Аревелци и др., а после — уже ранние представители научной арменистики: М. Чамчян, Г. Инчичян и их последователи) и народное предание, а само чудо «чем дальше продвигаемся к новым временам, тем больше приобретает материальный образ» [Ачарян 1968: 300–301]. Долгие скитания Маштоца можно рассматривать не как (или не только как) «творческую командировку», а как типичное фольклорное путешествие, направленное на приобретение какой-то важной вещи: Маштоц сначала идет искать, а не изобретать армянские письмена. Описываемые события получают в источниках мифологическое осмысление с течением времени, и не странно, что этого чуда нет в трудах, написанных до Хоренаци. Но надо отметить, что у Корюна — первого ученика Маштоца — письмена снабжаются эпитетами *astuacapargew* ‘дарованные богом’ и *astuacelen* ‘божьи, божеские’, несмотря на то что они считаются созданными десницей Маштоца.

Как можно относиться к этому чуду? Общеизвестны, например, сны Кекуле и Менделеева, в которых появились структура бензола и периодическая таблица химических элементов. Во сне были созданы или увидены / услышаны структура атома (Н. Бор), игла швейной машины (Э. Хоу), музыка «Дьявольской сонаты» (Дж. Тартини). Может ли сон Маштоца быть поставлен в ряд с этими снами? И до советской атеистической эпохи были ученые, которые не считали историчной легенду о божественном видении Маштоца. Против чуда высказывался епископ Егише Дурян. Согласно А. Гарагашяну, веря в видение Маштоца, мы «делаем смешной нашу историю», а по Р. Ачаряну, это унижает достоинство и дело Маштоца [Ачарян 1968: 135]. С. Малхасян не принимает чудо и дает ему (неудачное) рационалистическое / физиологическое

объяснение [Малхасян 1961: 404–405]. Дж. Расселл сравнивает Маштоца с апачским шаманом XIX в. Сайласом Джоном, которому якобы во сне было явлено около 60 длинных молитв и пиктографические знаки для их записи — огромная информация, которую он запомнил и записал после пробуждения [Russell 1994a].

Но надо сказать, что созданные Маштоцем письмена представляют собой глубоко продуманную систему: многие армянские буквы — это видоизмененные варианты соответствующих греческих букв (например, Ք < Β, Դ < Δ, Լ < Λ), а не существующие в греческом свистящие и шипящие аффрикаты были созданы, видимо, согласно единому принципу [см.: Муравьев 1984]. Во сне можно увидеть лишь некоторые формы букв или принцип их оформления, но не весь алфавит.

Дело Маштоца, очевидно, сопоставимо с изобретательским творчеством. Настоящие изобретатели почти всегда работают по заказу — изобретение Маштоца было сделано, в современной терминологии, по высшему — царскому, государственному — заказу. Разница в том, что Кекуле, Менделеев и Бор объяснили явления природы, а Маштоц создал оригинальную систему письма. Но мифологическое мышление сближает эти две формы открытия — выявление того, что уже есть, и создание нового. В архаическом мышлении не человек является субъектом творческой работы, а бог-творец. Человек может в лучшем случае найти или чудом обрести божественное творение³.

В мифологии все созидательные действия сравниваются и сопоставляются со священным — божественным прецедентом. В библейском контексте видение Маштоца сравнимо с появлением во время пира Валтасара длани, написавшей на стене «Мене, текел, упарсин» (Дан. 5:25–28), а в армянском контексте — с появлением золотых письмен в видении Саака Партева (Парпеци I:17). Видение Маштоца, несмотря на слова Хоренаци («не сон ночной и не видение наяву»), очевидно, сравнимо со сном. Армянам V в., не до конца оторванным от язычества, сны посылал бог Тир — «показывающий сны». Бог-показыватель и толкователь снов передал эстафету своему преемнику — христианскому святому.

Как было отмечено, для сопоставления образов дохристианского бога с христианским святым важен географический фактор — близость или соответствие центров культа и мест деятельности. Деятельность Маштоца всегда была связана с царским двором и тогдашней столицей — Вагаршапатом.

³ О многих «внезапных» изобретениях, сделанных по счастливой случайности, см. [Орлов 1980: 122–139]. Некоторые изобретатели не были против того, чтобы их изобретения представлялись как откровения.

А центр культа Тира — его храм — находился вблизи древней столицы — Арташата (обе столицы располагались в Араратской долине). Маштоц родился в провинции *Taron* (район современного г. Муш в Турции), в д. *Нас'екас'*. Согласно одной поздно записанной легенде, в Тароне, на горе *Tirkatar* 'Вершина Тира', был храм Тира, а сам бог имел привычку сидеть на склоне горы и есть мед, собранный специально для него, который хранился в пещере поблизости [Ганалаян 1969: 74]. Если предположить, что эта легенда отражает древние воззрения, можно сделать некоторые заключения о функциях Тира. Мед как символ «сладкозвучной» поэзии (ср. особенно «мед поэзии» скандинавской мифологии [см.: МНМ 2: 127–128]) может намекать на то, что Тир, как греческие Гермес и Аполлон, с которыми он отождествляется, был еще и богом поэзии. Маштоц и в этом контексте — как таронец, переводчик и поэт — сопоставим с Тиром.

Маштоц проповедовал христианское учение в провинции Гохтн. Именно в этой провинции до времен Хоренаци была наилучшим образом сохранена мифопоэтическая традиция армян: мифологические и эпические песни Хоренаци записал от гохтнских сказителей-певцов. Значит, здесь существовала среда, где могла происходить мифологизация образа Маштоца.

Некоторые источники (неизвестный писец VI в., Карапет Сасунский, Четья минея (эпитама Карапета), Вардан Аревелци, «Гандзаран») местом создания писем считают Балу — город далеко на западе Армянского нагорья, в районе г. Диярбакыр в Турции. Народное предание также локализует изобретение писем в Балу. Авторы, рассматривающие этот вопрос (Н. Агбалаян, А. Ганалаян, А. Мнацаканян, Ан. Петросян), тоже не исключают такую локализацию [Петросян Ан. 2006: 112–121].

Севернее крепости Балу есть пещера, которая считалась скитом Маштоца. Поблизости расположены две другие пещеры, одну из которых армяне называли «Школой святого Месропа». Именно здесь из отверстия в стене якобы появилась в видении Маштоца кисть, писавшая буквы. Удивительное совпадение: у скита Маштоца находилась урартская стела с надписью [Срвандзтян 1982: 404–405; Ачарян 1968: 146–151], которая рассказывает о завоеваниях царя Менуа (ок. 810–786 гг. до н. э) в этом районе и посвящена верховному богу Халди [Арутюнян 2000: 82–83, № 56]. Верховные боги вообще отличаются широким спектром функций, и Халди не был исключением. Более того, урартская религия была настолько сосредоточена вокруг культа Халди (который Г. Капанцян называл «халдоманией»), что, можно сказать, была близка к единобожию [Капанцян 1940: 113–114; Амаякян 1990: 33–34]. Халди — бог света, плодородия и войны, он олицетворял вселенское добро и зло одновременно и один содержал в себе целый пантеон. Некоторые другие божества

могут рассматриваться как олицетворения функций Халди. Все или почти все религиозные обряды проводились в святилищах Халди [Амаякян 1990: 34]. Жилищем Халди была горная пещера, откуда он «выходил» во время некоторых праздников. Именно образ Халди лег в основу образа последнего героя эпоса «Давид Сасунский», Младшего Мгера, который, как и Халди, жил в пещере Ванской скалы и иногда выходил оттуда [Дьяконов 1983: 190–194; Петросян 2004; 2014].

Поговорим теперь о временном факторе. Иногда день праздника становится единственной нитью, связывающей языческое божество с христианским святым [Абаев 1972: 323]. В иранском и армянском календарях четвертый месяц носил имя Тира. Надо полагать, именно для того, чтобы подчеркнуть связь с Тиром, главный праздник Маштоца был приурочен к месяцу Тира: в Четве минее день изобретения письменности Маштоцем в Балу датируется 17-м числом месяца Тира (25 ноября; есть, впрочем, и другие дни, посвященные памяти Маштоца, о которых см. [Ачарян 1968: 55, 294–295]).

Р. Ачарян считает этимологии, предложенные для имени *Maštoc* (реже *Mašt'oc*), произвольными и достойными пренебрежения [Ачарян 1968: 303–304]. Впоследствии этой проблемы касались Г. Джаукян, А. Мнацаканян, Г. Симонян, Дж. Расселл, чьи этимологии также не могут быть приняты [Джаукян 1970: 74; Мнацаканян 1979: 82–93; Симонян 1988: 62–72; Russell 1994b: 67–78].

В контексте армянской ономастики наиболее вероятной представляется интерпретация имени Маштоца в связи с созвучным апеллятивом *maštoc* ‘скребница’, ‘инструмент для соскабливания волос / шерсти животных’ [Малхасян 1944: 260; Агаян 1974: 970]. Эту этимологию предлагали Г. Тер-Мкртчян и Г. Халатян, но она, как и остальные, не была принята Р. Ачаряном. Позднее к этой этимологии обратился Дж. Расселл, который, найдя ее маловероятной, предложил иранскую интерпретацию имени. Ниже приведены наши доводы.

Если слово *maštoc* существовало в древнеармянском, то было бы странно осмыслять имя Маштоца как-то по-другому. Слово не упоминается в древнеармянской литературе, но оно, очевидно, архаичное и должно быть интерпретировано как дериват с архаичным суффиксом *-oc* от корня *mašt-* ‘скоблить, скрести, сдирать’. В древнеармянском есть слово *maštil* ‘стать лысым’ и связанное с ним *maštel* ‘отнимать, вырывать, разлагать, высыпать’ [Ачарян 1977: 262], семантически близкие к *maštoc* ‘инструмент для скобления волос, бритва’. В новоармянском фиксируется слово *maštel* ‘скрести, скребком / щеткой, чистить (тело лошади)’.

В разных языках процесс письма ассоциируется со скоблением / царапанием в связи со способом писать на воске, глине и иных твердых материалах.

Таковы, например, греч. *γράφω* ‘скрести, писать’, *γραμματεὺς* ‘писец, секретарь’, лат. *scribere* ‘скрести, писать’, *scriba* ‘писец, секретарь’. На Армянском нагорье на камне и кирпиче, скребя, писали тысячелетиями раньше эпохи Маштоца. Действие писания в архаическое время могло передаваться корнем *mašt-*, от которого и возник дериват *maštoc*‘. Ср. здесь еще арм. *k'ereł* ‘скрести, скоблить’, *k'ert'el* ‘драть, свежевать’, которые по греческому образцу были соотнесены с писанием: ср. *k'erakanut'iwñ* ‘литература, грамматика’, *k'ert'ol* ‘поэт’ (букв. «скребущий, свежевальщик»).

Слово *maštoc*‘ в древности могло означать ‘инструмент для скобления / процарапывания / писания’, позже ‘писец’ (ср. *grič*‘ ‘инструмент для письма, ручка’ и ‘писец’), затем — почетный эпитет Месропа. В связи с этой интерпретацией новое осмысление может получить и *maštoc*‘ ‘требник’: поначалу его значение могло быть более широким — просто ‘книга’, а затем сузилось до ‘священная книга, книга обрядов церкви, требник’ (ср. *groc*‘ ‘писец’, ‘книги, библиотека’ < *gir-* ‘письмо, писать’ с суффиксом *-oc*‘).

Можно предложить разные объяснения, почему архаический смысл сохраняется только в имени Маштоца и в названии требника. Наиболее вероятно, что это обусловлено исчезновением реалии — выскребания знаков на кирпиче или камне, поэтому древнюю семантику сохранила только сакральная лексика.

Что касается корня *mašt-*, то для него можно представить связь со словами исконного происхождения *maš*, *mašel* ‘изнашивать, обтирать, подтачивать’ [Джаукян 2010: 509–510]. На Армянском нагорье древнейшей распространенной формой письма была урартская клинопись, поэтому вероятны также урартские связи корня. Нам, однако, неизвестно урартское слово со значением ‘писать’. Согласно любезной консультации Маргарит Хачикян, *-št/-št-* в формах *Maštoc*‘, *maštel* теоретически можно связать с хурро-урартским глагольным наращением *-št*, которое, по-видимому, выражает интенсивность или законченность действия [Хачикян 1985: 61]. Фонетически с этим наращением совпадает армянский глагольный суффикс *št-* (который, таким образом, может иметь субстратное урартское происхождение), ср., например, *xařnel* / *xařnštel* ‘смешивать, перемешивать’, *křvel* / *křvštel* ‘драться’ и *křiv* / *křvoc*‘ / *křvštoc*‘ ‘драка’, где формы с *-št-* выражают интенсивность действия (урарт. *š* обычно передает звук [s], но иногда и [š] [см.: Джаукян 1987: 430]⁴). Тогда становится возможным представить себе механизм образования формы *maštel* из *mašel* ‘изнашивать, обтирать, подтачивать’ (о чем говорилось выше): *mašel*

⁴Этот суффикс встречается еще в нескольких словах, например: *xp'štel* ‘хлебасть’ (звукоподражание?), *kapštel* (диал. < *kapel* ‘связать’) ‘многократно связать’, ср. еще *hrmštel* ‘толкаться’, *hrmštoc*‘ ‘толкотня’ (< *hrel* ‘толкать’). А. Абрамян называет его мультипликативным суффиксом, который имеет преимущественно разговорный и диалектный характер [Абрамян 1962: 289].

‘изнашивать, обтирать, подтачивать’ > *mašstel* > *maštel* (в армянском двойные согласные упрощаются) ‘то же, но с семой интенсивности’ > **maštoc* ‘инструмент для письма на кирпиче и камне, резец’ (ср. *kṛvel* ‘драться’ > *kṛvštel* ‘драться (интенсивно)’ > *kṛvoc* / *kṛvštoc* ‘драка’).

Как уже говорилось выше, важным фактором сопоставления христианских и языческих образов является сходство имен. Имя какого из богов армянского языческого пантеона созвучно с именем *Маштоц*? Очевидно, только *Арамазда*. Есть даже мнение, что имя *Маштоц* связано с *mazda* — второй частью иранского имени Арамазда (С. Паронян, Г. Фнтглян, Н. Адонц). В последнее время в пользу этой этимологии новые доводы приводит Т. Далалян [2006]. Эта интерпретация может быть принята хотя бы на уровне народной этимологии — образ Маштоца действительно сопоставим с образом Арамазда. Это, кстати, не противоречит тезису о наследовании Маштоца Тиру: Маштоц, как и некоторые другие святые, мог унаследовать характеристики нескольких языческих образов. Кроме того, Арамазд и Тир — взаимосвязанные образы: Арамазд был верховным богом, а Тир — его писцом.

Сокращения

В названиях языков и диалектов

урарт. урартский язык
хурр. хурритский язык

Источники

- Агатангелос*. История Армении. Ереван : Изд-во гос. ун-та, 1983. (На арм. яз.)
- Ачарян Р.* Корневой словарь армянского языка. Т. 3. Ереван : Изд-во гос. ун-та, 1977. (На арм. яз.)
- Ганалаян А.* Армянские предания. Ереван : Изд-во АН, 1969. (На арм. яз.)
- Гомер*. Одиссея / пер. В. А. Жуковского. М. : Наука, 2000.
- Малхасян С.* Толковый словарь армянского языка. Т. 3. Ереван : Госиздат, 1944. (На арм. яз.)
- Малхасян С.* Комментарии // Хоренаци М. История Армении / пер. с древнеарм. и коммент. С. Малхасяна. Ереван : Айпетхрат, 1961. С. 359–424. (На арм. яз.)
- Мещанинов И.* Аннотированный словарь урартского (биайнского) языка. Л. : Наука, 1978.
- МНМ — Мифы народов мира : в 2 т. / под ред. С. А. Токарева. М. : Сов. энциклопедия, 1980–1982.
- Орлов В. И.* Трактат о вдохновении, рождающем великие изобретения. М. : Знание, 1980.
- Парпеци Л.* История Армении и Послание к Вагану Мамиконяну / под ред. Г. Тер-Мкртчяна и С. Малхасяна. Ереван : Изд-во гос. ун-та. 1982. (На арм. яз.)
- Рак И. В.* Зороастрийская мифология. М. ; СПб. : Летний сад, 1998.
- Хоренаци М.* История Армении / пер., введ. и коммент. Г. Саркисяна. Ереван : Айастан, 1990.

Исследования

- Абаев В. И.* Как апостол Петр стал Нептуном // *Этимология 1970* / под ред. Ж. Ж. Варбот и др. М. : Наука, 1972. С. 322–332.
- Абрамян А. А.* Глагол в современном армянском. Ереван : Изд-во АН, 1962. (На арм. яз.)
- Абрамян Л. А.* Небесный храм, растущий из тела жертвы: видение Григория Просветителя с этнологической точки зрения // *Армянские святые и святые места* / ред. С. Арутюнян, А. Калантарян. Ереван : Айастан, 2001. С. 361–367. (На арм. яз.)
- Агаян Э.* Лексикологические и этимологические исследования. Ереван : Изд-во АН, 1974. (На арм. яз.)
- Адоңц Н.* Исторические исследования. Париж : Изд-во Гукасяна, 1948. (На арм. яз.)
- Алишиан Г.* Древние верования, или языческая религия армян. Венеция : Изд-во Мхитаристов, 1895. (На арм. яз.)
- Амаякян С.* Государственная религия Ванского царства. Ереван : Изд-во АН, 1990. (На арм. яз.)
- Арутюнян С.* Армянская мифология. Бейрут : Изд. В. Сетяна, 2000. (На арм. яз.)
- Ачарян Р.* Армянские письмена. Ереван : Айастан, 1968. (На арм. яз.)
- Бойс М.* Зороастрийцы: верования и обычаи. М. : Наука, 1987.
- Ван-дер-Варден Б.* Пробуждающаяся наука II. Рождение астрономии / пер. с англ. Г. Е. Куртика. М. : Наука, 1991.
- Далалян Т.* Происхождение образа и имени Месропа Маштоца // *Международная конференция, посвященная 1600-летию изобретения армянской письменности* : сб. докл. / ред. В. Б. Бархударян и др. Ереван : Гитутюн, 2006. С. 54–65. (На арм. яз.)
- Джаукян Г. Б.* Армянский и древние индоевропейские языки. Ереван : Изд-во АН, 1970. (На арм. яз.)
- Джаукян Г. Б.* История армянского языка: дописьменный период. Ереван : Изд-во АН, 1987. (На арм. яз.)
- Джаукян Г. Б.* Этимологический словарь армянского языка. Ереван : Асогик, 2010. (На арм. яз.)
- Дьяконов И. М.* К вопросу о символе Халди // *Древний Восток*. 1983. Вып. 3. С. 190–194.
- Капанцян Г.* История Урарту. Ереван : Изд-во гос. ун-та, 1940. (На арм. яз.)
- Мейе А.* Арменоведческие исследования. Ереван : Изд-во гос. ун-та, 1978. (На арм. яз.)
- Мелик-Оганджян К.* К вопросу о фольклорных источниках Агагангелоса // *Историко-филологический журнал*. 1964. № 4. С. 53–82.
- Мнацаканян А.* Этимология имени *Маштоц* // *Вестник общественных наук АН Армянской ССР*. 1979. № 8. С. 82–93.
- Муравьев С. Н.* Графическая форма и порядок букв трех древних алфавитов Кавказа как источники о фонологии древнеармянского, древнегрузинского и древнеудинского языков // *Международная конференция по армянскому языкознанию* / ред. Г. Джаукян и др. Ереван : Изд-во АН, 1984. С. 437–455.
- Петросян А. Е.* Армянский Мхер, западный Митра и урартский Халди // *Армянский эпос «Сасунские удалцы» и всемирное эпическое наследие* / ред. А. Егиазарян и др. Ереван : Лимуш, 2004. С. 42–60. (На арм. яз.)
- Петросян А. Е.* Арамазд: образ, культ, прототипы. Ереван : Ван Арян, 2006. (На арм. яз.)
- Петросян А. Е.* Влияние армянского Мгера на европейских героев // *Вестник Матенадарана*. 2014. Т. 20. С. 169–174. (На арм. яз.)
- Петросян А. Е.* Арагац: название и миф // *Вестник арменоведения*. 2022. № 3. С. 169–185. (На арм. яз.)
- Петросян Ан.* Балу или Самосата: традиционный и исторический взгляд на место создания армянской письменности // *Международная конференция посвященная 1600-летию*

- изобретения армянской письменности : сб. докл. / ред. В. Б. Бархударян и др. Ереван : Гитутюн, 2006. С. 112–121. (На арм. яз.)
- Симонян Г. О происхождении имени Маштоца // Вестник общественных наук. 1988. № 5. С. 62–72. (На арм. яз.)
- Срвандзтян Г. Труды. Ереван : Изд-во АН, 1982. Т. 2. (На арм. яз.)
- Хачикян М. Л. Хурритский и урартский языки. Ереван : Изд-во АН, 1985.
- Eir — Encyclopaedia Iranica. URL: <https://www.iranicaonline.org> (date of access: 18.10.2024).
- Eliade M. *Cosmos and History*. New York : Harper and Row, 1959.
- Leick G. *Dictionary of Ancient Near Eastern Mythology*. London ; New York : Routledge, 1991.
- Panaino A. Tistrya // Encyclopaedia Iranica. 2005. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/tistrya-2> (date of access: 18.10.2024).
- Petrosyan A. Y. State Pantheon of Greater Armenia: Earliest Sources // Aramazd: Armenian Journal of Near Eastern Studies. 2007. Vol. 2. P. 174–201.
- Russell J. *Zoroastrianism in Armenia*. Cambridge : Harvard Univ. Press, 1987.
- Russell J. On the Name of Mashtots // Annual of Armenian Linguistics. 1994a. Vol. 15. P. 67–78.
- Russell J. On the Origin and Invention of the Armenian Script // Le Muséon. 1994b. No. 3–4. P. 229–255.
- Tavernier J. Reflections on the Origin and the Early History of Tir // Ethnicity in Ancient Mesopotamia / ed. by W. H. Van Soldt. Leiden : Nederlands instituut voor het Nabije Oosten, 2005. P. 356–371.

References

- Abaev, V. I. (1972). Kak apostol Petr stal Neptunom [How the Apostle Peter Became Neptune]. In Zh. Zh. Varbot et al. (Eds.), *Etimologiya 1970* [Etymology 1970] (pp. 322–332). Moscow: Nauka.
- Abraamyan, A. A. (1962). *The Verb in Modern Armenian*. Yerevan: Izd-vo AN. (In Armenian)
- Abramyan, L. A. (2001). The Heavenly Temple Growing from the Body of the Victim: Gregory the Illuminator's Vision from an Ethnological Perspective. In S. Arutyunyan, & A. Kalantaryan (Eds.), *Armenian Saints and Holy Places* (pp. 361–367). Yerevan: Aiastan. (In Armenian)
- Acharyan, R. (1968). *Armenian Scripts*. Yerevan: Aiastan. (In Armenian)
- Adonts, N. (1948). *Historical Studies*. Paris: Gukasyan Press. (In Armenian)
- Agayan, E. (1974). *Lexicological and Etymological Studies*. Yerevan: Izdatel'stvo AN. (In Armenian)
- Alishan, G. (1895). *Ancient Beliefs or the Pagan Religion of Armenians*. Venezia: Izdatel'stvo Mkhitaristov. (In Armenian)
- Amayakyan, S. (1990). *The State Religion of the Kingdom of Van*. Yerevan: Izdatel'stvo AN. (In Armenian)
- Arutyunyan, S. (2000). *Armenian Mythology*. Beirut: Izd. V. Setyana. (In Armenian)
- Boyce, M. (1987). *Zoroastriitsy: verovaniia i obychai* [Zoroastrians: Beliefs and Customs]. Moscow: Nauka.
- Dalalyan, T. (2006). The Origin of the Image and Name of Mesrop Mashtots. In V. B. Barkhudaryan et al. (Eds.), *International Conference Dedicated to the 1600th Anniversary of the Armenian Script: Collected Papers* (pp. 54–65). Yerevan: Gitutyun. (In Armenian)
- Dyakonov, I. M. (1983). K voprosu o simvole Khaldi [On the Symbol of Khaldi]. *Drevnii Vostok*, 3, 190–194.
- Dzhaukyan, G. B. (1970). *Armenian and Ancient Indo-European Languages*. Yerevan: Izdatel'stvo AN. (In Armenian)
- Dzhaukyan, G. B. (1987). *History of the Armenian Language: Preliterate Period*. Yerevan: Izdatel'stvo AN. (In Armenian)

- Dzhaukyan, G. B. (2010). *Etymological Dictionary of the Armenian Language*. Yerevan: Asogik. (In Armenian)
- Eliade, M. (1959). *Cosmos and History*. New York: Harper and Row.
- Encyclopaedia Iranica*. Retrieved from <https://www.iranicaonline.org>
- Kapantsyan, G. (1940). *History of Urartu*. Yerevan: State University Press. (In Armenian)
- Khachikyan, M. L. (1985). *Khurritskii i urartskii iazyki* [Hurrian and Urartian Languages]. Yerevan: Izd-vo AN.
- Leick, G. (1991). *Dictionary of Ancient Near Eastern Mythology*. London; New York: Routledge.
- Meillet, A. (1978). *Armenian Studies*. Yerevan: State University Press. (In Armenian)
- Melik-Ogandzhanyan, K. (1964). K voprosu o fol'klornykh istochnikakh Agatangelosa [On the Folkloric Sources of Agathangelos]. *Istoriko-filologicheskii zhurnal*, 4, 53–82.
- Mnatsakanyan, A. (1979). Etimologiya imeni *Mashtots* [Etymology of the Name *Mashtot*]. *Vestnik obshchestvennykh nauk AN Armianskoi SSR*, 8, 82–93.
- Muravyev, S. N. (1984). Graficheskaya forma i poriadok bukvy trekh drevnykh alfavitov Kavkaza kak istochniki o fonologii drevnearmianskogo, drevnegruzinskogo i drevneudinskogo iazykov [The Graphic Form and Order of Letters in Three Ancient Alphabets of the Caucasus as Sources on the Phonology of Ancient Armenian, Ancient Georgian, and Ancient Udi Languages]. In G. Dzhaukian et al. (Eds.), *Mezhdunarodnaya konferentsiya po armianskomu iazykoznaniiu* [International Conference on Armenian Linguistics] (pp. 437–455). Yerevan: Izd-vo AN.
- Panaino, A. (2005). *Tistrya*. In *Encyclopaedia Iranica*. Retrieved from <https://www.iranicaonline.org/articles/tistrya-2>
- Petrosyan, A. Y. (2004). Armenian Mher, Western Mithra, and Urartian Khaldi. In A. Egiazaryan et al. (Eds.), *The Armenian Epic "Daredevils of Sassoun" and the World Epic Heritage* (pp. 42–60). Yerevan: Limush. (In Armenian)
- Petrosyan, A. Y. (2006). *Aramazd: Image, Cult, Prototypes*. Yerevan: Van Arian. (In Armenian)
- Petrosyan, A. Y. (2007). State Pantheon of Greater Armenia: Earliest Sources. *Aramazd: Armenian Journal of Near Eastern Studies*, 2, 174–201.
- Petrosyan, A. Y. (2014). The Influence of Armenian Mger on European Heroes. *Vestnik Matenadarana*, 20, 169–174. (In Armenian)
- Petrosyan, A. Y. (2022). Aragats: Name and Myth. *Vestnik armenovedeniia*, 3, 169–185. (In Armenian)
- Petrosyan, An. (2006). Balu or Samosata: Traditional and Historical View on the Place of the Armenian Script's Creation. In V. B. Barkhudaryan et al. (Eds.), *International Conference Dedicated to the 1600th Anniversary of the Armenian Script: Collected Papers* (pp. 112–121). Yerevan: Gitutyun. (In Armenian)
- Russell, J. (1987). *Zoroastrianism in Armenia*. Cambridge: Harvard University Press.
- Russell, J. (1994a). On the Name of Mashtots. *Annual of Armenian Linguistics*, 15, 67–78.
- Russell, J. (1994b). On the Origin and Invention of the Armenian Script. *Le Muséon*, 3–4, 229–255.
- Simonyan, G. (1988). On the Origin of the Name of Mashtots. *Vestnik obshchestvennykh nauk*, 5, 62–72. (In Armenian)
- Srvandztyan, G. (1982). *Works* (Vol. 2). Yerevan: Izdatel'stvo AN. (In Armenian)
- Tavernier, J. (2005). Reflections on the Origin and the Early History of Tir. In W. H. Van Soldt (Ed.), *Ethnicity in Ancient Mesopotamia* (pp. 356–371). Leiden: Nederlands instituut voor het Nabije Oosten.
- Waerden van der, B. (1991). *Probuzhdaiushchaisia nauka II. Rozhdenie astronomii* [Awakening Science II: The Birth of Astronomy]. Moscow: Nauka.